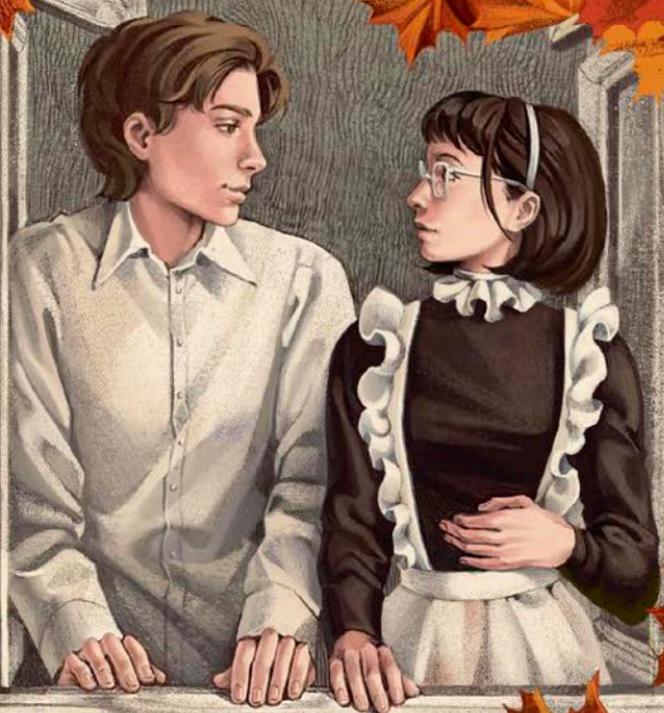

Татина Шербакова

ВАМ И НЕ СНИЛОСЬ

КЛАССИКА

МИО

**ВАМ
И НЕ СНИЛОСЬ**

I

Таня, Татьяна Николаевна Кольцова, уже восемь лет не была в театре. Билеты, которые возникали то стихийно, то планоно, она сразу же или в последнюю минуту отдавала. И успокаивалась.

А тут не спасешься — ее бывший театр пригласили на гастроли в Москву. Это — ого-го! — какое событие! Она знала: там, в театре, уже готовят представление к наградам и званиям, сшиты новые костюмы, актрисы срочно красят волосы в модный цвет.

Возбужденные, все в ожидании необыкновенных перемен, с блестящими глазами, бывшие подруги нашли ее в Москве и категорически заявили: не придет на премьеру — вовек не простят...

— У нас такая «Вестсайдская», что вам тут не снилось...

«Не спастись», — подумала Татьяна Николаевна.

Целый день она ходила сама не своя. Идти в театр, где началась и кончилась твоя карьера, идти, чтобы переживать именно это, независимо от того, что будет происходить на сцене, а потом говорить

какие-то полагающиеся слова, и вместе сплетничать после спектакля, и отвечать на тысячу «почему»...

«Ведь школа нынче — ужас! У детей ничего святого! Неужели не было более подходящего варианта? Это что, жертва?»

Таня заранее знала все эти еще не произнесенные слова. Но дело было даже не в них. Ей действительно не хотелось идти в театр. Не хотелось смотреть эту потрясающую «Вестсайдскую», стоившую Таниной подруге Элле переломанного ребра: они там по замыслу режиссера все время откуда-то прыгали.

— Ничего, срослось, как на собаке, — сказала Элла. — Но я теперь не прыгаю. Я раскачиваюсь на канате.

И говорилось это так вдохновенно, и было столько веры в этот канат, и прыжки, и в «гени-аль-ного!!» режиссера, что Таня подумала: с тех пор как она стала учительницей, такая самозабвенная детская вера ее уже не посещает. Умирая, мама ей говорила: «Мир иллюзий тебя отторг. На мой взгляд, старой рационалистки, это не так уж плохо... Живи в жизни... А школа — это ее зерно. Всегда, всегда надежда, что вырастет что-то стоящее... Не страдай о театре. Ты бы все равно не смогла всю жизнь говорить чужие слова...»

Мама умирала два месяца, и таких разговоров между натисками боли было у них немало. И мама все их отдавала Тане. Ломились к ней ее коллеги

по научной работе, ее аспиранты, соседи — не принимала. Объясняла Тане:

— Я тебя так мало видела. Это у меня последний шанс. Мое счастье было в работе. Это не фраза. Это на самом деле. Что такое модные тряпки, я не знаю. Я не знаю, что такое материнство, — с трех месяцев тебя растило государство. Я не путешествовала, не бывала на курортах, не обставляла квартир гарнитурами, я ни разу не была у косметички. Мне даже любопытно — это не больно? Все беременности были некстати — не сочетались с моим делом. Я даже не плакала, как полагается бабе, жене, когда разбился твой папа. У меня на носу тогда была защита докторской. Поверишь, в этом была какая-то чудовищно уродливая гордость: у меня несчастье, а я не сгибаюсь, я стою, я даже иду, я даже с блеском защищаюсь...

А Таня видела: она и сейчас гордится этим. В маме это было главное — преодоление всего, что мешало ей работать и ощущать себя большим, значительным человеком. И как ни тяжело было Тане, как ни любила она маму в эти последние дни, мысль, что и теперь своими иронично-афористичными речами мама прежде всего сохраняет себя, а уж потом хочет что-то разъяснить, приходила не раз. И тогда она мысленно спрашивала: может, именно в маме умерла артистка? А она ее так жалко, бездарно подвела, не сумела сделать то, что предназначалось ей? И утешает мама сейчас себя, а не ее, неудачницу? Иначе зачем так настойчиво? С такой страстью?

— ...Какая ты Нина Заречная? У тебя же аналитический ум и ни грамма рефлексий. Ты антиактриса по сути.

Мама утешала и утешалась. Ведь тогда прошел всего год, как Таня ушла из театра. И последние слова мамы были: «Живи в жизни».

И все было нормально эти семь лет, пока не свалился на голову театр из прошлого со своей «Вестсайдской историей». И мама вспомнилась в связи с ним. Она же: «Не ходи в театр, плюнь! Пока не освободишься от комплекса. Читай! Это всегда наверняка интересней — первоисточник, не искаженный чужим глупым голосом».

Родилась спасительная мысль — раз уж идти, то она возьмет в театр свой класс. Правда, она его еще не знает, ей дают новый, девятый. Но уже конец августа, списки утрясены, через ребят, которых она учила в восьмом, можно будет собрать человек десять. Убьет сразу двух зайцев. Посмотрит «на материал», с которым ей придется работать, и спасется от последующего после спектакля банкета, где надо будет всех безудержно хвалить, сулить звания и одновременно убеждать под сочувствующие и неверящие взгляды, что она вполне довольна работой в школе. Она скажет: «Я здесь с классом. Я с вами потом».

Таня пригласила в школу Сашку Рамазанова. Он пришел в грязных джинсах и рваной полосатой тенниске.

— Я думал, надо что-нибудь покрасить или подвигать, — сказал он. Театральная идея его не увлекла и насмешила. — Ну, Татьяна Николаевна! — картинно воскликнул он. — Пригласили бы на Таганку или в «Современник»... А какой нормальный человек пойдет смотреть приезжающую на показ периферию... Этот номер у вас не пройдет. Гарантирую...

— Не будь снобом, — сказала Таня. — У них молодой гениальный режиссер, и весь спектакль — сплошная новация. К тому же там хорошая музыка.

— Разве что... Ладно... Попробую. Может, от скуки народ и соберется.

— Напрягись, — сказала Таня. — Мне очень хочется пойти с вами.

Сашка посмотрел на нее пристально. Поведение учительницы было, на его взгляд, лишено логики: тащиться в театр, да еще в неокончившиеся каникулы, с классом? Больше не с кем? Но Татьяна Николаевна, хоть ей уже и за тридцать, женщина вполне. Сашка охотно пошел бы с ней сам, единолично. Он высокий, здоровый уже мужик, детвора во дворе зовет его «дяденькой». Так что вместе они бы гляделись... Но она, милая их Танечка, тащит с собой класс, что ненормально и противоестественно, хоть сдохни. Но просьба есть просьба, поэтому Сашка обещал обзвонить и обежать народ в ближайшем округе и человек десять подбить «на эксперимент».

— Но если будет дрянь, — сказал Сашка, — я не отвечаю. И буду просить у вас защиты от гнева народов. Побьют ведь!

Спектакль казался никаким. Что называется, не в коня корм. Может, новый режиссер и был талантливым, что-то он напридумывал, но актеры!.. Ни одного, ну просто ни одного нефальшивого слова. И от этого придуманная форма торчала обнаженным каркасом, то ли оставшимся от пожара, то ли брошенным строителями по причине нехватки материалов.

Танины ученики умирали со смеху. Их надо было просто убирать из зала за нетактичное поведение.

— А я предупреждал, — многозначительно сказал Сашка. — Я верил и знал: будет именно так.

Вообще он держался не как ученик, а как Танин приятель. Таня подумала: пожалуйста, проблема. Надо сразу ставить его на место. Хороший ведь мальчишечка, просто от роста дуреет.. И посмотрела на его дружка Романа Лавочкина — еще выше. Господи, куда их тянет! Но с Романом ничего подобного не будет, он мальчик книжный. Вот и сейчас он:

— Татьяна Николаевна! А как проверить — не был ли Шекспир трепачом? Я к чему... Современное искусство о любви — такая брехня, что, если представить, что оно останется жить на пятьсот лет...

— Не останется, — сказал Сашка. — Не переживай.

— Теперь любовь только пополам с лесоповалом, выполнением норм, общественной работой...